

У Виктора Петровича сегодня юбилей. Ему восемьдесят. В старый деревенский дом, где он жил со старшей дочерью Валентиной, приехали родственники: дети, зятья, невестки, внуки, племянники и даже правнучка — почти два десятка. Все они давно горожане.

За праздничным столом было шумно и весело. Юбиляра поздравляли, говорили теплые слова. Торжественные речи постепенно перешли на разговоры о жизни, о политике, о курсе рубля, доллара и евро.

— А что,— громко сказал внук Денис,— не жалеешь, дед, что вся жизнь в деревне прошла? Колхозное дело, не ошибкой ли было?

Все притихли, не желая обидеть старого человека. Взглянул на внука Виктор Петрович, обвел укоризненным взглядом гостей. Встал из-за праздничного стола, подошел к печи, кряхтя, сел на старый табурет, прислонился больной спиной к теплым кирпичам.

— Это что ж получается,— с горечью ответил Виктор Петрович,— колхозное дело, которому я посвятил всю свою сознательную жизнь,— ошибка?

Кто со страхом, а кто с любопытством смотрели на юбиляра.

— Вспоминаю тот год,— продолжил Виктор Петрович,— когда я окончил сельхозтехникум и с дипломом пришел к председателю колхоза.

«Поздравляю, Виктор Петрович! Принимай руководство полеводческой бригадой. Самое главное — воспитывай у людей чувство ответственности и сознательного отношения к труду»,— пожимая руку, напутствовал меня Иван Васильевич.

Была огромная вера в светлое будущее, желание приближать его, не жалея сил. И самое большое колхозное богатство — это люди, что жили и работали рядом.

Виктор Петрович призадумался, будто погрузился мыслями в прошлое. Все сидели тихо, ждали.

— Удивительные люди были наши колхозники. Помнится мне,— заговорил вновь Виктор Петрович,— весна шестидесятого с заморозками и тревогами за будущий урожай. Звено Дарьи Митиной готовило к высадке рассаду капусты на поля. Парники — не то, что нынче. Их сооружение было трудоемким делом: в выкопанную яму глубиной около метра погружали деревянный сруб, засыпали в него конский навоз, перегной, землю, а потом только сеяли семена. Всю эту конструкцию укрывали стеклянными рамами да соломенными циновками. Все радовались: удалась рассада, парники площадью сто квадратных метров открыли. А тут заморозки! Полночи укладывали рамы на место да сверху расстилали соломенные циновки. На беду стекло разбилось. Пять квадратных метров рассады с нежными листочками оказались незащищенными. Кто-то из женщин растерялся, а Дарья, недолго думая, джемпер с себя сняла и аккуратно прикрыла рассаду, за ней и подруги последовали».

— И не жалко им было джемперов? — переспросил Денис.— Все-таки, с одеждой в то время было туговато.

— Не жалко,— неожиданно подала голос Мария Семеновна, поправляя яркий платок на голове.— Сама работала в Дарьином звене.

Виктор Петрович благодарно посмотрел на старушку.

— А ты, Валентина,— обратился отец к старшей дочери,— помнишь молоденькую учительницу? Прислали ее к нам из города.

— Клавдию Прокопьевну? Да как ее можно забыть? Хорошенькая такая. Любовались мы ею и по пятам ходили.

— Свеклу убирали вручную. Деревенские-то дети привычные к такому труду, а Клавдия Прокопьевна, вижу, часто на ладошки дует, трясет озябшими руками, морщится, а виду не подает, старается. Подошел к ней, на руки посмотрел, а на ладонях мозоли. Предложил отдохнуть, но она отказалась, шепнула: «Как я потом детям в глаза смотреть буду?» Дождь начал накрапывать. Дождик — не ливень — с поля никто не собирался уходить. Выпряг я (бригадир в колхозе — фигура главная), лошадь из телеги, на которую свеклу сгружали. Домой поскакал. Из нижнего ящика комода схватил перчатки, что жена связала мне из ниток распущенного старого свитера, и назад на бурачное поле. Заставил надеть эти перчатки учительницу. Ее благодарный взгляд никогда не забуду...

А как дружно спасали фруктовый сад на другой год! Яблони, сливы, груши и вишни — все в цвету. Красота неопишуемая! Большие надежды на урожай! А тут опять заморозки! Помню, пришли ко мне домой старики — Силантий да Парфен — наш безошибочный прогноз погоды. Доверяли они народным приметам да своим суставам. Одинадцатый час вечера, я только-только домой заявился, один сапог ус-

пел снять. «Беда! Сильные заморозки к утру будут,— с тревогой сообщили старики.— Собирай мужиков, спасать в эту ночь цветущий сад надоть!» Поскакал я на лошадке от хаты к хате с просьбой. А мужики только обрадовались. Работа несложная. Мы ж сырую солому с картофельных буртов собирали и заранее кучками укладывали на широкие междурядья. Поджигали ее по команде с той стороны, откуда ветер дул, чтобы дым окутывал, окуривал, согревал нежные цветки деревьев да тлю и плодоядку уничтожал. Соломку ворошили, задушевные разговоры вели да песни пели, любили мужики такие ночи. Мальчишки тоже прибегали в сад помогать: собирали мелкие сучки, сухие веточки, бросали их в тлеющие костры. Вынимали из-за пазухи припасенные узелочки с едой. Кусочки сала, хлеба нанизывали на прутики и коптели над кострами. Незаметно рассвет наступал.

А рано утром раздавался звон наковальни в кузнице. Кузнец и его помощник, особо почитаемые и уважаемые люди, начинали свою работу раньше всех. Кузнечный звон, будто оркестр, разносил свои звуки по всей округе, оповещая, что жива деревня, не спит, день рабочий снова начинается. И селяне, в том числе и те, кто ночью спасал цветущий сад, спешили на бригадный стан. Наряды получали на работу, проверяли, правильно ли записал учетчик их трудодни, интересовались, кто в передовиках ходит...

Тосю Воробьеву, молоденькую девочку, помнишь ли ты ее, Мария Семеновна? — обратился рассказчик к бывшей колхознице.

— Ну чего ж не помнить? Помню — память ишо не отшибло. К наукам дивчина шибко тянулась. Тося школу окончила, сразу заочно поступила в сельскохозяйственный техникум и работала телятницей. За телятами, как за малыми детьми, ходила. Тетка ей из города шикарный подарок привезла: черную шубку нейлоновую. Все подружки завидовали. В начале зимы на танцы в клуб с ребятами и девчатами собралась, да решила, как сердце чуяло, в телятник заглянуть: телочка там была больная. Прибегает, а ворота горят! Ворох соломы рядом лежал, видно, кто-то окурок непогашенный по неосторожности бросил. Шубку модную Тося скинула, пламя ею сбивала да во все горло кричала, на помощь звала. Прибежала молодежь, спасли телятник. А шубки Тосиной не стало.

— А вот еще случай,— продолжил рассказывать Виктор Петрович.— Был у нас такой конюх, Бобок его все кликали. Лошадей любил без меры. На прогулку и водопой гонял табун мимо копаней. Это ямы, торф для топлива там копали. В одну из них и попала старая кобыла по кличке Победа. Конец ноября. Вода вперемешку со снегом в яме, и кобыла бедная в ней по грудь стоит, ногами перебирает, дрожит, видно, свой смертный час чует. Мужики собрались, сочувствуют и кобыле, и конюху. А Бобок тем временем притащил несколько веревок, да с разбегу сиганул в яму. Нырлял, пока не просунул кляче под задние и

передние ноги веревки. Концы их мужикам кинул. Кобылу тащили по его команде. Спасли, отогрели и Бобка, и лошадку. Все обошлось. С тех пор стали величать конюха исключительно по имени-отчеству.

— Кремень, а не люди были,— с гордостью произнес Виктор Петрович.— О каждом поэму можно писать... Вот ты, Танюша,— обратился дед к своей внучке,— в литературном институте учишься. Пиши, пока я еще жив.

Все с любопытством посмотрели на будущую писательницу.

— Не волнуйся, дед, обязательно напишу.

Вздыхнул Виктор Петрович и продолжил свой рассказ, довольный тем, что его слушают и ждут продолжения.

— Слово «надо» было превыше всего. Работал я уже тогда председателем колхоза. План по сдаче картошки выполнили. Оставшуюся бульбу для посева и продажи весной в бурты собирались закопать. Под вечер звонит секретарь райкома партии: «Петрович, дорогой, выручай, к утру отгрузить нужно сто тонн картофеля для воинских частей: вагоны простаивают. Приказ пришел «сверху». Собрали мои помощники колхозников, смотрят на меня угрюмо: не так-то просто за ночь осилить такую работу. Просьбу им изложил, не постеснялся, в пояс всем поклонился. Поняли меня, никто не ушел спать. Всю ночь работали — отгрузили мы эти сто тонн.

— Да, это правда. Дюжа уважали нашего Пятровича колхозники, — снова подала голос Мария Семеновна.

Виктор Петрович помолчал, вглядываясь в лица присутствующих. «Интерес к моему рассказу еще не угас,— отметил он про себя.— Глаза молодежи любопытством светятся».

— Да чего уж! Было иногда и невмоготу. Помню, непогода часто мешала работе. Картофель надо было срочно убирать, а картофелекопалок не хватало. Подкапывали плугом, собирали вручную под проливным дождем. Иногда и ломами приходилось картошку из мерзлой земли добывать да отправлять на спиртзавод. Но не ныли, не жаловались, работали с энтузиазмом, упорно работали. Не понять, наверно, вам этого.

Виктор Петрович вздохнул, видно, воспоминания тяжелых времен навеяли грусть. Но тут же взгляд его прояснился, и он бодрым голосом продолжил рассказ.

— Бывало, рано утречком, в конце августа, чуть рассвет забрезжит, иду по деревне, слышу, как молочные струи о доенки звенят, будто скрипки свои скрипачи настраивают. Это наши бабы коров доят и на выгон их готовят.

У речки на лугу лошади еще отдыхают, пофыркивают, пар из ноздрей пускают, готовятся к тяжелому трудовому дню.

А за деревней — ток с зерном, целая гора, будто из золота. Ночь работала тракторная бригада: комбайны молотили, машинами свозили

готовое зерно. Приляжешь на него, а оно теплом дышит, материнским молоком отдает, чувствуешь себя младенцем на груди у матери. От этой деревенской картины сердце благодарно замирает. Мозолистые руки, тем, кто ночь работал, пожимаю, а у них глаза радостно блестят. Гордость меня распирала за наших людей.

— А ты, внучок, испытывал в своем городе подобные чувства?

Денис переглянулся со своими двоюродными братьями, шумно шмыгнул носом и промолчал.

— И отдыхать, и радоваться, и веселиться тоже умели. Посевные работы заканчивали, уборку урожая завершали — устраивали праздники, «День березки» и «День урожая». В березовой роще накрывали столы с угощением. Старики, взрослые, молодежь, дети — все отдыхали, как одна семья. Пели песни и частушки, танцевали, хороводы водили, на гармошках и баянах играли — талантов всегда хватало. Вон и Семеновна первая певунья на селе была... А давай, соседка, стариной тряхнем.

— А давай, соседка! — задорно отозвалась старушка.

— Тащи, Дениска, гармонь.

Усевшись удобнее, Виктор Петрович прошелся по кнопкам и вопросительно взглянул на Семеновну.

— Ой, цветет калина в поле у ручья,— вдохновенно запела старушка,— парня молодого полюбила я...

Гости подхватили песню, меха старой гармошки широко и раздольно извлекали мелодию. Песню слаженно спели, солистке и гармонисту весело поаплодировали, оживились и вновь к рюмке потянулись. Внучка Татьяна, выждав удачную паузу, громко сказала:

— Дедуля, мне кажется, ты еще не закончил рассказ свой о колхозной жизни, о людях.

Гости снова притихли, и все внимание переключили на юбиляра.

— Рассказывать о колхозной жизни, где часто труд людей был сравним с подвигом и героизмом, можно очень долго. И мы с тобой, внученька, еще об этом поговорим. А сейчас, если вам, дорогие мои родственники (Виктор Петрович сделал паузу и обвел взглядом всех сидящих за столом), я еще не надоел, хочу напоследок высказать свои думы.

— Конечно, дед, мы все тебя слушаем,— поспешно ответил Денис.

— Сельское хозяйство страны держалось на беззаветно преданных колхозу людях. Ценил я их, уважал. С горем и радостью шли ко мне. «Петрович, родной ты наш» — так меня называли. Трудностей хватало, и колхоз объединял людей в одно маленькое государство, сообща решали наши проблемы. Но мы знали, что от нас зависит успех работы, урожай. И у тех, кто работал рядом, коллективное сельское

хозяйство, как и у меня, тоже было делом всей жизни. Нет, не жалею я о прожитых годах в деревне. Верили в политическую идею, поэтому работали, не покладая рук, страну кормили и гордились этим...

Но горько и обидно мне: стояло в нашей деревне когда-то сто десять крепких дворов. Теперь два дома жилых осталось: мой, да Марьи Семеновны». (Виктор Петрович кивнул головой в сторону старушки.) И что сейчас по всей стране? Колхозы, совхозы разорены; деревни осиротели, дома опустели; поля заросли бурьяном. Не было бы сейчас этой беды, если бы газовые трубы не за границу, а в деревни прокладывали, дороги и водопроводы строили. Тогда бы и та молоденькая учительница, и вы не убежали бы в город. Знаю: появляются крепкие сельскохозяйственные комплексы, патриотизм объявили национальной политикой. Да маловато его еще. Ваши, молодежь, души, мозги, чем наполнены?

Виктор Петрович многозначительно посмотрел на молодых родственников.

— Только и слышу по телевизору: рубль, доллар, евро, нефть, разборки! А фильмы какие показывают? Грабят, убивают, чужое захватывают!.. Э-эх!» — с горечью махнул рукой Виктор Петрович.

Глаза увлажнились, невольная слеза покатилась по щеке. Все молчали, будто в оцепенении, взгляд потупили. А пятилетняя правнучка Настенька взобралась деду на колени и ласково сказала:

— Не плачь, дед. Я люблю тебя.